

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

УДК 339.13

ГАРВАРДСКАЯ ПАРАДИГМА: «ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАСШИРЕНИЕ»? По мотивам статьи А.В. Смирнова «ВОЗДЕЙСТВИЕ НА РЫНОЧНУЮ СТРУКТУРУ: АНАЛИЗ ПОДХОДОВ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К РЫНКУ РОССИИ»

Н.В. Костюкович

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». Институт экономики и управления, г. Тверь

DOI: 10.26456/2219-1453/2020.3.220

Положительно оценивая предложение А.В. Смирнова – расширить Гарвардскую парадигму за счёт применения институционального подхода, автор обращает внимание на то, что базовые позиции монетаризма и теории антимонопольного регулирования в силу их ограниченности и тенденциозности, едва ли помогут решить эту задачу. В этой связи ставится вопрос об альтернативной – пострыночной экономико-теоретической парадигме.

Ключевые слова: Гарвардская парадигма, олигополия, монетарная концепция, пострыночная парадигма.

Состояние отечественного и мирового хозяйства, явно ухудшающееся, заставляет критически отнестись к тем представлениям, которыми снабжает экономическая теория практическую экономику – наиболее широкая из наук о хозяйственной деятельности, вырабатывающая концептуальные рекомендации для бизнеса и политических властей.

Статья молодого тверского учёного, в которой напрямую не затрагиваются злободневные вопросы цен на «чёрное золото», преодоления последствий пандемии и т. п., в сугубо теоретическом плане представляет ситуацию в современной экономической теории – вскрывая необходимость серьёзных корректив тех научных позиций, которые ещё недавно не принято было подвергать сомнению.

А.В. Смирнов принимает как данность, казалось бы, известное, банальное противостояние двух подходов к «проблеме повышения эффективности рынка»: один из них полагает более эффективным *воздействие правительства* («когнитивный механизм», «традиционно» более популярный в России), другой – развитие механизма конкуренции и *сведение к минимуму воздействия правительства* на рынок [3, с. 227]. Второй подход широко пропагандируется большинством ученых с мировыми именами как более эффективный, рекомендуется ими к применению и в нашей стране.

В современной научной реальности, показывает А.В. Смирнов, бытует *Гарвардская парадигма* – учёт структуры рынка государством, в частности, в процессе осуществления антимонопольной политики [там же, с. 227]. Участникам рынков нужны правила, по которым они должны действовать, чтобы достигался положительный эффект в долгосрочном периоде для общества в целом. Контракты и соглашения являются необходимой стороной

рыночных отношений, придавая им организованный, стабильный характер, обеспечивая возможность социально-экономического развития. Рынок, благодаря указанным *институтам*, оставаясь сферой конкурентной борьбы, выступает формой *кооперации*, т. е. сотрудничества бизнес-структур в удовлетворении общественных потребностей.

К необходимости регулирования отношений между собой предприниматели приходят и сами. Но при наличии у гигантских транснациональных структур контроля над рынками, к определению правил рыночного поведения должно подключаться государство. Хаос, отсутствие элементарного правопорядка превращает рынок в жёстко централизованную, «командную» систему, в которой взаимовыгодный обмен товарами заменяется диктатом того, кто сильнее.

Настало время сказать правду: такого рода система может быть порождением не только политической диктатуры, но и чисто *рыночной эволюции* – от свободной конкуренции, через олигополию – к тотальной финансово-инвестиционной монополии, за которую сейчас сражаются на глобальном рынке несколько оставшихся самостоятельными транснациональных структур.

В странах Запада рыночная эволюция идёт непрерывно – и приближается к естественному завершению. У нас она когда-то прервалась в связи с тем, что национальный рынок не справился с перенапряжением (в Первую Мировую войну) и был заменён единым государственным планом – в соответствии с теоретическими выкладками К. Маркса и В.И. Ленина, задействованными пришедшими к власти революционерами для создания принципиально нового общественного порядка. В начале 90-х гг. мы вернулись к рынку, точнее – в систему рыночного капитализма, и за тридцать лет он у нас повторил, в особом, лихорадочном режиме, ту эволюцию, которую за рубежом прошёл за триста лет.

И на Западе (в Северной Америке и в Западной Европе), и на Востоке (в КНР, Японии, Австралии и т. д.), и у нас (в республиках бывшего СССР) дело клонится к той централизации хозяйства, которую порождает в своём развитии рынок, преобразуя конкуренцию в кооперацию, т. е. сотрудничество. Тому, кто хочет просто нажиться, спекулировать, выгадывать прибыль за счёт общественно вредоносной деятельности, должно оставаться всё меньше места. Таков глобальный императив, теоретически представляемый теорией институтов – институционализмом.

Вот и А.В. Смирнов чётко указывает на это, говоря о необходимости «расширить Гарвардскую парадигму» институциональным подходом [3, с. 226, 230]. Это коренным образом отличает его позицию от многочисленных сторонников «чистого» рынка, отечественных и зарубежных, которые часто не отличают свободу от всевластия гигантских корпораций и не замечают, что рыночная свобода стала властью тех, у кого денег достаточно для того, чтобы устанавливать свои правила в экономике и в обществе.

Необходимо, однако, уточнить, что из указанной парадигмы, классифицирующей рынки и соответствующие им системы хозяйства, современная реальность оставляет две формы капитализма. Одна из них – глобальный олигополистический (олигархический) капитализм, бытующий ныне в качестве формы мирового социально-экономического развития. Другая

– государственно-монополистический капитализм, как альтернатива господству глобальной олигархии, которую пытается у себя сохранить часть стран (Россия, Китай, обе Кореи, ряд стран Западной Европы) с традициями сильной государственности и хозяйством, требующим централизованного управления.

В советские времена у нас была недооценена необходимость «самого точного, самого детального, самого глубокого изучения... капиталистического общества» [1, с. 304]. В официальной экономической доктрине и на практике не придали должного значения, в частности, раскрытому западными учёными различию между рынками и их структурами – и в итоге так и не смогли воспользоваться рыночными механизмами для повышения благосостояния населения и реализации достижений НТП.

Теперь мы понимаем:

– совершенная конкуренция – отнюдь не лучший, а скорее, наиболее примитивный рынок, на котором сталкивается множество однотипных, мелких, низкоэффективных производителей;

– закономерный промежуточный этап эволюции рынка – олигополия, когда на нём остаётся несколько крупных компаний, либо сговаривающихся против потребителей, либо ведущих между собой жесточайшую, «на смерть» войну – с огромными издержками, которые, так или иначе, перекладываются на потребителей;

– монополист должен относиться к рынку (потребителям, за счёт которых он получает доход) по-хозяйски, устанавливая рациональные, взаимовыгодные, и для себя, и для клиентов цены, оптимизируя издержки и товаропотоки. Если у него это не получается, ему должно помочь государство – установлением соответствующих стимулов и ограничений. Неплохо, для большей чёткости, правительству иметь возможность влиять на компанию-монополиста напрямую – через её руководство.

Лучшим периодом в развитии рыночной экономики остались три-четыре десятилетия (50-е –80-е гг. XX века), когда у зарубежного капитализма, противостоявшего нашему социализму, было «человеческое лицо» – привлекательные черты «социальной рыночной экономики», прежде всего, благодаря вмешательству государства в деятельность компаний, его активному непосредственному участию в производстве и распределении ресурсов и доходов.

Но эта практика – в прошлом. Поглотив социализм и став единой глобальной системой, капитализм вернул свой «оскал», и государства, активно вразумляемые сторонниками либерального экономико-теоретического официоза, теперь «стесняются» вмешиваться в дела бизнеса, который, однако, не стесняется пользоваться либерализмом властей, когда может быть увеличена прибыль от повышения цен и снижения оплаты труда работников и прочих издержек социального характера.

Правда, пользу бизнесу такие способы обогащения приносят всё меньше. Гарвардская парадигма помогла дать объяснение: монопольные и олигополистические рынки требуют от бизнеса особых ценовых стратегий, учёта специфики действия множества внутренних и внешних факторов, согласований действий на рынках с партнёрами и властями. Но она не в состоянии «отменить» факт, что снижение зарплаты сужает рынок и снижает

среднюю норму прибыли. Перспективы капиталистического развития мрачнеют. Массовое недовольство населения вынуждает правительства к наращиванию социальных статей бюджетных расходов и как следствие – к повышению налогов, в конце концов – на бизнес, т. е. к национализации прибыли и упорядочению, ограничению свободы движения капитала.

Гарвардская парадигма заострена против монополий и государства. В этом её важная особенность, принципиальная ограниченность и слабость. США с их гарвардскими антимонопольными предрассудками – на грани распада. Китай, не стесняющийся развивать подконтрольные государству монопольные структуры, выходит в мировые лидеры, уже существенно превосходя США по объёму реального сектора [4]. Россия стоит перед выбором: примкнуть к одному из центров мирового развития или попытаться найти собственный, «срединный путь».

Есть, однако, ещё одно, немаловажное обстоятельство. Продолжает действовать фактор денег, который на рынках является главенствующим и влияет на общество и его институты, которые «замешаны» на обороте товаров и денег. За деньги покупается всё – в рамках обычной торговли и многое ещё – в рамках особых форм продажности, бытующих в виде коррупции, проституции и обыденной бессовестности тех, кто сводит человеческие отношения к денежному эквиваленту.

Наш автор, А.В. Смирнов отмечает, что Гарвардской парадигме противостоит *монетарная концепция* М. Фридмана, в которой им усматривается обоснование *сокращения роли государства* как непосредственного участника хозяйственных отношений. Указанная концепция действительно наиболее резко нацелена на сокращение государственной собственности и всемерное её замещение частной собственностью. Но, по сути, это *теоретическое обоснование всевластия денег*, исходя из понимания рыночной экономики как «денежного мира». Поскольку денежная масса сосредоточивается в распоряжении узкого круга «капитанов» бизнеса, приходит время, когда они больше не нуждаются в государстве, даже для поддержания порядка, поскольку могут поддерживать его (или менять) по своему усмотрению.

Глядя на Интернет, может показаться, что вместо государства порядок формирует сам рынок, как **сеть**, в которую объединены его участники, посредством технических сетевых регламентов. Но Интернет не становится субъектом и не претендует на собственность, как не является субъектом и не претендует на собственность рынок, тоже, между прочим, социальная сеть, существующая уже тысячи лет. Но эта сеть – лишь организационно-технический аппарат, который не угрожает всевластию узкой группы крупных частных собственников, более того, в своём развитии он устанавливает и укрепляет их всевластие.

Выбор, таким образом – между рынком, подчинённым интересам олигархии (порядком, который именуется глобализмом, фактическим контролем над экономикой и обществом со стороны ТНК), и государством, подчиняющим себе ТНК и Интернет на территории страны. Остаётся вопрос о том, чьи интересы будет отстаивать государство: своего иерархически выстроенного аппарата (государственной бюрократии), широких слоёв

населения (народа – сообщества национальных домохозяев) или подчинится, опять же, корпорациям (крупнейшим национальным или транснациональным).

Наш автор А.В. Смирнов не поставил этот вопрос, ограничившись указанием на то, что «государственная доля участия в хозяйственной деятельности» в современной России велика (60–70 процентов), формируя непомерно высокий уровень «административных издержек» [3, с. 230]. Между тем, важна не столько доля государства в национальном капитале и доходе, сколько эффективность управления этой долей, о которой можно судить, в конце концов, по темпам социально-экономического развития страны.

В последние годы они были у нас крайне низкими, а в текущем году вообще стали отрицательными. Это говорит о том, что управление в госсекторе крайне не эффективное, и его, по сути, надо выстраивать заново. Конечно, речь должна идти в этой связи об институциональных преобразованиях, но это должны быть, по богатому опыту национализации и приватизации, не преобразования собственности, к которым следует относиться с крайней осторожностью.

Гораздо сложнее, чем забирать себе или делить собственность, организовывать системное управление, что у нас так и не удалось выполнить за весь период рыночных преобразований. Судя по нарастающим проблемам стран с высокоразвитой рыночной системой хозяйства и укоризненному отношению, доминирующему в них к государственной собственности, там тоже не преуспели в этом. Попытки же приватизировать общественное достояние (будь то железные дороги в Великобритании, недра в США, крупнейшие корпорации России и т. д.) не дали желаемых результатов, только подтвердили неспособность крупного, теперь уже – транснационального бизнеса решать социально значимые задачи.

У нас в стране были поставлены мировые рекорды по темпам и масштабам приватизации государственного имущества, опробованы самые разные способы – результаты этих тридцатилетних усилий говорят за себя. За то же время на мировом уровне капиталистическая формация, под прямым воздействием антимонопольной политики (практического применения гарвардской парадигмы), была трансформирована из государственно-монополистического в олигополистический, т. е. олигархический капитализм. При этом крайне острой стала военная опасность – как следствие неудержимого влечения гигантов бизнеса к силовому решению задач в конкурентной борьбе, ныне завершающей вырождение из упорядоченного государством соперничества в неконтролируемый, хаотический процесс подчинения или уничтожения сильными корпорациями и контролируемые ими государствами тех структур бизнеса и государственности, которые оказываются слабее.

Очевидно, современной экономике (и теоретической, а ещё больше практической) нужна не столько институциональная детализация рыночной парадигмы (в чисто гарвардском или откорректированном с учётом монетаризма варианте), сколько совершенно иная, вероятно, *пострыночная парадигма*, отражающая нерыночный, часто вообще бесплатный характер распределения наиболее значимых теперь, информационных ресурсов [2, с. 14–15]. На всех уровнях глобальной хозяйственной системы зреют предпосылки планомерного решения проблем справедливости и свободы,

эффективности и стабильности. Отстаёт экономическая наука, зажатая «в тиски» официальных представлений, фильтруемых транснациональным олигархатом.

В таком плане автору статьи видятся возможности углубления тех позиций, которые сжато, но весьма конструктивно изложены в рецензируемой статье.

Список литературы

1. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.). // Полное собрание сочинений. Издание пятое. М.: Издательство политической литературы, 1981. Т. 41. С. 298–318.
2. Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с.
3. Смирнов А.В. Воздействие на рыночную структуру: анализ подходов применительно к рынку России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2020. № 2. С. 226–232.
4. <https://evg-berg.livejournal.com/11443.html/> Реальное соотношение реальной экономики стран.

Об авторе:

КОСТЮКОВИЧ Николай Витальевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Тверского государственного университета (170000, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: economics.theory@tversu.ru, ORCID: 0000-0002-5948-4754, SPIN-код: 9494-6941.

HARVARD PARADIGM: "INSTITUTIONAL EXPANSION"? Based on A.V. Smirnov's article " MARKET STRUCTURE IMPACT: ANALYSIS OF APPROACHES TO THE RUSSIAN MARKET"

N.V. Kostyukovich

FSBOU VO “Tver State University”. Institute of Economics and Management, Tver

Positively evaluating the proposal of A.V. Smirnov concerning the expansion of the Harvard paradigm through applying an institutional approach, the author draws attention to the fact that the basic positions of monetarism and the theory of antitrust regulation, due to their limitations and tendentiousness, will hardly help solve this problem. In this regard, the article has raised the problem of an alternative post-market economic and theoretical paradigm.

Keywords: *Harvard paradigm, oligopoly, monetary concept, post-market paradigm.*

About the author:

KOSTYUKOVICH Nikolaj Vital'evich – Candidate of Economic, Department of Economic Theory, Tver State University (33, Zhelaybova St., Tver, 170000), e-mail: economics.theory@tversu.ru

References

1. Lenin V.I. Zadachi sojuzov molodjzhi (Rech' na III Vserossijskom s#ezde Rossijskogo Kommunisticheskogo Sojuza Molodezhi 2 oktjabrja 1920 g.). // Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie pjatoe. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1981. T. 41. S. 298–318.
2. Mejson P. Postkapitalizm: putevoditel' po nashemu budushhemu. M.: Ad Marginem Press, 2016. 416 s.
3. Smirnov A.V. Vozdejstvie na rynochnuju strukturu: analiz podhodov primenitel'no k rynku Rossii // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie. 2020. № 2. S. 226–232.
4. <https://evg-berg.livejournal.com/11443.html/> Real'noe sootnoshenie real'noj jekonomiki stran.